

Отзыв

официального оппонента о диссертации Анны Александровны Краснояровой «"Китайский текст" русской литературы» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

«Жизнь есть сон» в прямом и переносном смысле – убеждено искусство, уже который век доказывающее своими созданиями эту констатацию. Жизнь есть текст – утверждает с недавних пор гуманитаристика речами и строчками философов, культурологов и, прежде всех, лингвистов и литературоведов. Каких только текстов не осваивала наука о литературе, а вот «китайский текст» отечественной словесности предметом изучения еще не становился. А.А. Красноярова, направляемая многомудрым сенсеем Б.В. Кондаковым, своей диссертацией восполняет этот пробел, что делает ее труд, без сомнения, актуальным.

Называемая Поднебесной – подобно России, великая и древняя держава. Закономерен интерес, взаимно возникающий у разных сфер этих держав и народов друг к другу. И в первую очередь интерес этот себя проявляет в культуре. Изучение эстетического восприятия Китая разными поколениями литераторов даёт уникальную возможность аналитической трактовки процессов и механизмов межкультурной коммуникации. «Китайский текст», занимающий диссертантку, понимается ею как совокупность «произведений, в которых Китай описывается как художественное пространство, собирательный образ, связанный с судьбами персонажей и определяющий развитие сюжета» (с. 4).

Представив во Введении все требуемые жанром диссертации реквизиты, в Основной части работы соискательница исходит из резонной гипотезы, согласно которой «китайский текст» русской литературы, как представляется, определял формирование образа Китая, существовавшего в сознании русских людей, и вместе с тем, выражая существенные тенденции развития русской литературы и культуры в XIX–XXI вв., так или иначе влиял

на российский литературный процесс (см. с.11). Для подтверждения данной гипотезы соискательница обратилась к рассмотрению тех художественных произведений русской литературы XIX–XXI вв., в которых представлено описание Китая – это романы, повести, рассказы, стихотворения, философские эссе И. Гончарова, Л. Толстого, Н. Гумилёва, В. Дорошевича, С. Третьякова, Б. Пильняка, А. Несмелова, В. Перелешина, Н. Байкова, А. Хейдока, Э. Барякиной, Е. Анташкевича, В. Рыбакова и многих других.

Первый раздел Основного содержания, обозначенный в автореферате как Раздел 2, отдан выявлению того, как, собственно, возникали и формировались в отечественной словесной культуре представления о главном «восточном соседе». Китай, констатируется на этих страницах, долгое время оставался для российского человека загадочной страной, в связи с чем возрастала роль «китайского текста», важность проблем его восприятия и интерпретации, поскольку сведения о Поднебесной российские читатели получали не из личного опыта, а из работ первых российских китаеведов (в частности, А.Л. Леонтьева, и Н.Я. Бичурина) и переводов произведений китайской словесности. Очень органичны – причем не только в этом разделе, а и во всем исследовании – постоянные обращения к работам отечественных историков, философов, востоковедов, путешественников. Если бы к диссертации был приложен список упоминаемых в ней фамилий, он не на одну страницу увеличил и без того солидный ее объем.

Закономерно первого «крупного плана» в этом разделе удостоивается «Фрегат "Паллада"» И. Гончарова, обозначенный как «географический роман». И столь же логично акцентировано значение деятельности Л. Толстого для формирования «китайского текста» русской литературы. Но если о роли этих, да и других классиков в укоренении определенных представлений о «стране с Востока» наше литературоведение уже принималось вести речь, то о «китайских» трудах наших путешественников, очеркистов, беллетристов А.А. Красnojрова серьезный разговор заводит едва ли не первой. В XIX столетии, убеждает данный раздел, «Китай» предстаёт

интересным не только своей экзотичностью разного толка, а как особый мир, который, был и контрастен России, и во многом оказывался с ней схожим, представляя не реализованный Россией и тем ее искушающий и смущающий вектор цивилизационного развития. В диссертации цитируется – на с.32 – примечательное суждение Ф. Достоевского из «Дневника писателя» за 1873 г.: «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придём к тому же концу, но когда?..». Но не менее уместно соображение не столь именитого писателя – А. Амфитеатрова, тоже воспроизведенное в работе: «Мы для Китая – огромный орган, чрез который его могучая древняя цивилизация вступает в мирные компромиссы с новою европейскою цивилизациою и понемногу приобщается к ней...».

По реферату могло сложиться впечатление, что восприятие Китая в дореволюционной русской поэзии было более скромным, нежели в прозе. Меж тем в самой диссертации есть содержательные страницы о «китайских стихах» К. Бальмонта и – особенно – Н. Гумилева (с.55-60).

Следующий большой раздел посвящен русскому «китайскому тексту», создаваемому в первые послеоктябрьские десятилетия, когда отечественная словесность отчетливо раздвоилась на советскую и эмигрантскую. Соискательница справедливо констатирует, что в первом случае все «китайское» воспринималось сквозь призму победившей идеологии и отвечавшей ей политики, а во втором преобладали этико-философские и страноведческие мотивы. При этом в анализе «крупным планом» поданы создания Сергея Третьякова, «Китайская повесть» Бориса Пильняка и произведения менее известных, но очень плодovitых литераторов Николая Байкова и Альфреда Хейдока. Последние не отличаются очевидными художественными достоинствами (что, полагаю, не мешало бы отметить), но содержательны (и это в диссертации подчеркивается) в воссоздании китайской модели мира, воспринимаемой по-русски.

Справедливо в этой части работы особое внимание уделяется «китайским строчкам» в поэзии русской эмиграции. Конечно, стихотворцы, оказавшиеся в китайской среде не «описывали как прошлое, так и настоящее Китая» (см. стр. 14 автореферата) – они запечатлевали свое восприятие этого прошлого и настоящего. При этом, как и в случае с эмигрантской прозой, называется не один десяток имен, жаль только, что все они характеризуются в обзорном плане, меж тем как поэзия А. Несмелова или В. Перелешина заслуживала, на мой взгляд, более пристального к себе внимания, равно как и проза только раз упомянутого в работе Вс.Н. Иванова. В этом разделе А.А. Красноярова охотно ссылается на труды своих коллег, посвященные русской литературе Китая.

Четвертый раздел диссертации отведен под рассмотрение отечественного «китайского текста» середины и второй половины XX столетия. Прежде всего здесь в поле внимания оказывается мемуаристика литераторов-репатриантов – тех, кто на свою жизнь в Китае смотрит примерно так, как смотрели на оставленную Россию эмигранты «первой волны» – в частности, обращается соискательница к томам воспоминаний Елены Якобсон и Данилы Зайцева. Отдельный подраздел посвящен «прозе про Китай», изданной в последние десятилетия. При этом укрупненной характеристики удостоены малоизвестные произведения малоизвестных литераторов – «Белый Шанхай» Эльвиры Барякиной и «Харбин» Евгения Анташкевича. Но такой выбор имеет свое объяснение. В этих «не замеченных российским литературоведением и критикой» (с.199) сочинениях, как показывает А.А. Красноярова, предельно отчетливо реализованы два разных способа «вхождения» русских людей в культуру Поднебесной: «шанхайский», обусловленный «отвоёвыванием» собственного места в чужой среде, и «харбинский» – связанный с опытом сохранения «русскости» и за пределами России. И тут, конечно же, вспоминаются посвященные «русской Москве» (как в первую треть XX века называли Харбин) строки Арсения Несмелова: "Милый город, горд и строен, будет день такой, что не вспомнят, что

построен русской ты рукой...". И разве не красноречиво название упоминаемой в романе Е. Анташкевича «Китайской улицы» в Харбине!

Полагаю, что эти акценты можно было попытаться наметить и в отношении того периода, когда он был жизнью не вспоминаемой, а текущей. Ведь приводилось в третьем разделе (см. с. 87) мнение одного из путешественников о Харбине, опубликованное в 1930 г.: «Кругом – русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города – православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские городовые...». Но в обоих случаях не лишне принимать во внимание место создания произведения: указания на Шанхай или Харбин, пусть даже в самом рассказе или стихотворении говорится совсем не о Китае, тоже оказываются отсылками к «китайскому тексту».

Освещаются в этом разделе и отличающиеся информативной насыщенностью книги о Китае, принадлежащие перу российских синологов.

Важнейшими проблемами, поставленными в рамках русского «китайского текста» 1940–2010-х гг., становится художественный поиск эффективных методов транскультурных контактов и критическое восприятие накопленного в течение XX века опыта межкультурного диалога. Завершают работу страницы с выводами и дальнейшими перспективами в разработке темы, где обозначены целых 12 пунктов (см. с. 236–237).

Считаю, что со своей целью, которая виделась в том, чтобы определить специфику «китайского текста» русской литературы, а также контекстов, в которых он функционировал (см. с. 8), диссертантка справилась. Практическая значимость проведенного исследования видится в том, что его материалы могут быть полезными в вузовских курсах по истории русской литературы и культуры XIX–XXI вв. (как в России, так и в Китае), и истории литературы русского зарубежья, а также в специальных курсах по проблемам межкультурных связей.

Публикации, что предшествовали диссертации (каковых пятнадцать), и ее автореферат воспроизводят все основные положения исследования. При этом обращает на себя внимание редкая для гуманитариев открытость соискателя к соавторству – как с русскими коллегами, так и с китайскими. В последнем случае перед нами реальные примеры межкультурного взаимодействия.

Работа внятно написана, логично выстроена. Впечатляет библиографическое оснащение труда – в нем 477 позиций, в том числе два десятка изданий – на китайском языке. Во всей диссертации встретил одну опечатку: не тот инициал у В.Е. Головчинер (с.79), а вот в реферате таких опечаток – три: все в инициалах и фамилиях на с. 5.

В целом диссертация «"Китайский текст" русской литературы» отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в пп.9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. под № 842, а ее автор, Анна Александровна Краснаярова, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Я, Быков Леонид Петрович, даю согласие на включение моих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

15 января 2020 г.

Леонид Петрович Быков, доктор филологических наук (по специальности 10.01.01 – русская литература), профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул.Мира,19 (343) 375-45-07, 375-46-09; rector@urfu.ru факс: 375-97-78). Мой: bykov0947@yandex.ru

Подпись

Л.П. Быкова

Заверяю

Начальник отдела
документационного обеспечения
управления

Т.Е. Вихренко / Вихренко Т.Е.